

ЗА ДАЛЕКОЙ ЧЕРТОЙ

Бронвен Пратли

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(94)
ББК 84(8Авс)-44
П70

Bronwen Pratley
BEYOND THE CRUSHING WAVES
Copyright © Bronwen Pratley, 2021
All rights reserved

Издательство выражает благодарность *Taryn Fagerness Agency*
и литературному агентству *Synopsis Literary Agency*
за содействие в приобретении прав

Перевод с английского Александры Самариной
Серийное оформление и оформление обложки Александра Андрейчука
Иллюстрация на обложке Дины Климовицкой

Пратли Б.

П70 За далекой чертой : роман / Бронвен Пратли ; пер.
с англ. А. Самариной. — М. : Иностранка, Азбука-Атти-
кус, 2024. — 480 с. — (Сквозь стекло).

ISBN 978-5-389-26618-6

Лирическое и эмоциональное повествование основано на реаль-
ных событиях 1950-х годов, когда обездоленных и осиротевших
детей из Великобритании отправляли в эмиграцию в колонии, где
им обещали райскую жизнь под теплым солнышком. Но действи-
тельность оказывается совсем иной: босые и полураздетые, в го-
лоде и холоде, под гнетом жестоких надзирателей, воспитанники
вынуждены с утра до ночи трудиться на ферме, преодолевая боль
и обиды. И лишь горячие юные сердца помогут этим не знавшим
родительской любви детям найти дорогу друг к другу.

УДК 821.111(94)
ББК 84(8Авс)-44

© А. И. Самарина, перевод, 2024
© Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26618-6

Часть I

За буйством волн край грез найдешь,
Надежды благостный исток.
Закаты там горят огнем,
Долин разбег далек...

Бронвен Уитли. Австралия (2021)

Пролог

Оксфорд, Англия, 1909 год

Кингсли Фэйрбридж

Сложенный лист бумаги полетел вниз, но, подхваченный легким ветром, на миг прервал свое падение, а потом метнулся влево и опустился в грязную лужицу на дороге. По луже пошла рябь, выдавая присутствие по меньшей мере десятка головастиков, — и Кингсли Фэйрбридж, скривившись, наклонился за промокшей листовкой. Он стряхнул с нее воду, осмотрел с тенью отчаяния на лице и продолжил путь. Вскоре он завернул за угол, и дорога пошла в гору. Его шаги эхом разносились по узкой улочке.

Идти оставалось недолго. Уже скоро он должен был предстать перед собранием Оксфордского колониального клуба и поднять один из самых злободневных для современного мира вопросов. Живот скрутило, подкатила тошнота, на бледном лице выступили капли пота, но Фэйрбридж не сбавил шага. А что, если он забудет, зачем пришел? Если речь, которую он уже столько раз репетировал, вылетит у него из головы? Ему пришлось подергать за множество ниточек, чтобы собрать такую аудиторию. Если он оплошает или ляпнет глупость, больше его в такое общество никогда не пригласят — во всяком случае, на основании личных заслуг.

Его отец и прадед пользовались большим уважением, и этого оказалось достаточно, чтобы Фэйрбридж получил

возможность выступить сегодня перед английской элитой, но дальнейшие события полностью зависели от него самого и от его способности изложить идеи, пришедшие к нему несколько лет назад, когда он придумал способ расширить империю и вместе с тем улучшить жизнь несчетного множества английских подданных. По его мнению, империя столкнулась с двумя трудностями, но существовало решение, которое разом их устранил.

Если он вдохновит тех, с кем вот-вот увидится, вся его жизнь изменится. Не говоря уже о жизни множества других людей: им, бесспорно, принесет пользу гениальный план, который он разрабатывал несколько лет.

Фэйрбридж обошел женщину, бранившую ребенка в коляске. От сильного ветра перо у нее на шляпе подрагивало над шейным платком, который напоз на подбородок. Пышный зад няньки перекрывал чуть ли не всю дорогу. Бросив в ее сторону недобрый взгляд, Фэйрбридж сошел с тропы и обогнул даму, гневно раздув ноздри, когда его блестящие черные ботинки ступили в грязь и под подошвами раздалось чавканье. Лучше и не придумаешь! Он все утро начищал обувь и свой лучший костюм, просматривал записи — лишь бы произвести самое благоприятное впечатление из возможных. А теперь ботинки в грязи да и рубашка вся мокрая от пота.

Фэйрбридж свернул на Хай-стрит. Стоило ему увидеть толпу — мужчин и женщин, лавирующих между магазинчиками и ресторанами, знатных дам, которые всматривались в витрины из-под модных шляпок, лошадей, что, склонив головы и изящно выгнув шеи, доставляли экипажи к центру улицы, звонко постукивая копытами, — и сердце тревожно заколотилось. Пока он взбирался по ступенькам,

ведущим в японский ресторан, цилиндр сполз набок. Прижав одной рукой к груди кипу папок и чемоданчик, полный листовок, Кингсли поправил шляпу второй. Пот уже намочил рубашку — того и гляди пропитает все тело. Оставалось только надеяться, что члены клуба не заметят его волнения.

— Добрый день, сэр! — поприветствовал гостя швейцар, кивнул и открыл деревянные двери.

Фэйрбридж пробормотал ответное приветствие, натужно сглотнул и переступил порог. Полумрак заставил его остановиться, но вскоре глаза привыкли к слабому свету, и он оглядел ресторан — поспешно, почти нетерпеливо. Нет, тут, должно быть, какая-то ошибка. Наверное, он неправильно разобрал адрес, который ему написал клубный секретарь. Фэйрбриджа захлестнула волна панического ужаса. Когда к нему обратился мужчина в смокинге и рубашке с высоким воротом и без галстука, он вздрогнул.

— Могу вам чем-нибудь помочь, сэр?

— О да, благодарю. Я ищу Колониальный клуб.

— Вам сюда. Следуйте за мной.

Фэйрбридж снова сглотнул и покорно двинулся за мужчиной в смокинге. Они пересекли ресторан, держась поближе к одной из его стен, потом миновали несколько дверей и попали в просторный отдельный зал. В декоре здесь преобладали черный и красный цвета. Почти все пространство занимали ряды стульев, а перед ними возвышалась кафедра.

Проводник Фэйрбриджа сделал шаг в сторону и сцепил руки за спиной.

— Вот мы и на месте, сэр.

Фэйрбридж ответил ему кивком и углубился в комнату. Господа в черных костюмах вели беседы неподалеку от барной стойки в дальнем углу, а официанты в белых перчатках изящно скользили между гостями, предлагая канapé на серебряных подносах.

Темное дерево, которым были обшиты стены зала, придавало строгости, люстра под потолком искрилась и мерцала, проливая крапинки света на широкие и узкие плечи гостей, затянутые черной тканью.

— А вы, должно быть, Фэйрбридж, — произнес кто-то у него за спиной.

Кингсли повернулся к говорящему и натянуто улыбнулся:

— Все верно.

— Я Хэндли Смайт, секретарь клуба. Приятно познакомиться, — Хэндли протянул широкую ладонь. Его круглое веснушчатое лицо озарилось улыбкой.

Фэйрбридж пожал ему руку и улыбнулся в ответ. Былая тревога сменилась облегчением.

— А мне-то как приятно, уж поверьте. Я начал думать, что пришел не по адресу.

— Еще как по адресу. Ждем не дождемся вашего выступления. Тут все только о нем и говорят, доложу я вам. Репутация — и ваша, и в особенности вашего отца и прадеда — говорит сама за себя. Нам не терпится выслушать вашу точку зрения.

Фэйрбридж промокнул вспотевший лоб носовым платком и прошел вслед за Смайтом в дальнюю часть зала, где его ждал стул.

Смайт хлопнул в ладоши и сообщил собравшимся:

— Джентльмены, прошу внимания! Сегодня у нас особый гость. Спешу вам представить Кингсли Фэйрбриджа.

Он прибыл к нам из Родезии и сейчас учится в Оксфорде по стипендии Родса¹. Давайте вместе поприветствуем его в нашем скромном клубе!

Члены клуба прервали свои беседы, повернулись к гостю и негромко захлопали. Сигаретный дым взвивался к потолку, даря ощущение уединенности.

Все присутствующие, кроме Фэйрбриджа, расселись по местам под отголоски разговоров и скрип ножек стульев по паркету. А сам Кингли покопался в чемоданчике и достал небольшую стопку листовок. Он пробежал их взглядом, в сотый раз повторив про себя заголовок — «Две задачи и одно решение», — а потом протянул стопку господину, сидевшему неподалеку. Тот взял себе одну листовку, а остальные передал дальше.

По правую руку от докладчика на кафедре стоял стакан с водой. Фэйрбридж сделал глоток, прочистил горло, снова стер пот со лба. Пересматривать записи не было смысла — он уже столько раз это делал, что выучил их наизусть. Пятьдесят пар глаз уставились на Кингли, и он начал свою речь:

— Я предлагаю учредить в Англии общество, которое будет содействовать эмиграции детей — сирот и беспризорников — в колонии. Предлагаю выбирать детей в возрасте от восьми до десяти лет, пока они еще не погрязли в пороке, заделавшись профессиональными попрошайками,

---

¹ Международная стипендия для студентов из Британской империи, США и Германии, покрывающая плату за обучение в Оксфордском университете. Была учреждена в 1902 году южноафриканским политиком и предпринимателем, видным деятелем Британской империи Сесилом Родсом. — *Здесь и далее примеч. пер.*

и физически не пострадали от тягот бедняцкой жизни. Им предоставят качественное обучение в сфере сельского хозяйства длительностью от десяти до двенадцати лет.

По залу прокатились громовые аплодисменты. Некоторые из гостей опустили сигары и стали обсуждать услышанное с соседями. Уверенности у Фэйрбриджа поприбавилось, он расправил плечи и продолжил:

— Единство империи — не просто фигура речи или выдумка. Великобритания и ее колонии не должны разобщаться. У империи две задачи, нуждающиеся в решении: колониям нужен мощный человеческий ресурс, чтобы воспользоваться обширными территориями, пригодными для сельского хозяйства, а Англии необходимо справиться с ростом численности маленьких беспризорников.

Послышались одобрительные восклицания, кто-то согласен закивал. Фэйрбридж нашел свою аудиторию. Он улыбнулся себе. Его голос сделался чуть громче.

— Сейчас в Англии проживает свыше шестидесяти тысяч детей, находящихся на иждивении у страны. Беспризорников воспитывают в государственных институтах и в возрасте двенадцати — четырнадцати лет устраивают на малооплачиваемую несложную работу, но к восемнадцати годам они уже слишком взрослые для такого труда. У них нет ни родителей, ни другой родни. Какое будущее их ожидает?

Он выдержал паузу. В зале воцарилась тишина. Члены Колониального клуба обдумывали слова докладчика, выпуская клубы дыма и делая глотки из приземистых хрустальных бокалов. Фэйрбридж наслаждался серьезностью минуты. Вот он, шанс оставить свой след в истории, прославиться

под собственным именем, а вовсе не благодаря отцу или прадеду. Он продолжил слегка дрогнувшим голосом:

— Предлагаю прямо сейчас создать общество, силами которого мы отправим как можно больше детей за моря, чтобы обучать их в колониях всем премудростям сельской колониальной жизни. Нам нужны сельскохозяйственные школы во всех частях империи, где богатые почвы не дают достойного урожая из-за нехватки рабочих рук. Никакой благотворительности: это будет, скорее, инвестиция в империю. Наши школы не замазает бедняцкое клеймо: каждый воспитанник будет стоить куда больше, чем его обучение, ведь он многократно возвратит долг колонии, на благо которой станет трудиться.

Глава 1

Наши дни

Миа

Сегодня один из тех дней, когда кажется, что живот вот-вот лопнет. Хотя, наверное, «лопнет» — неподходящее слово, а «живот» — неверный термин. Точнее было бы сказать «матка», но о ней я думаю совершенно иначе: для меня она — уютный темный уголок в недрах моего тела, в котором живет милый херувимчик, который время от времени позевывает, потягивается, переворачивается на другой бок и снова засыпает. Но, сказать по правде, ощущения в животе такие, будто кто-то отчаянно рвется из него наружу, точно вомбат, почуявший морковку. Этот самый вомбат яростно пинает мой мочевой пузырь, да так, что я морщусь, хотя изо всех сил стараюсь не обращать внимания на неудобства.

Я стала настоящей великаншей, и если моего малыша можно сравнить с вомбатом, который спешит в сумерках на запах съестного, то я скорее гигантский тюлень или морж. Прямо хоть сейчас сажай на айсберг посреди широкого океана. Вообще-то, идея мне даже нравится. Охотно понежилась бы сейчас на льду: так и вижу себя на вершине белой холодной глыбы. Правда, льдина потребуется большая, а то еще не выдержит.

Летом в Брисбене стоит невыносимая жара. Я живу тут уже много лет, но никак не привыкну к влажности. Надоедливое

солнце беспощадно напекает мне голову за несколько мгновений пути от машины до дома, и никуда от него не деться. И вот по спине уже бежит пот, а джинсы для беременных, которые я ношу, насквозь мокрые.

Почему я в джинсах в сорокаградусную жару? Да потому что когда я прошлый раз ездила закупаться вещами, живот только самую малость выступал над поясом тех джинсов, которые я носила до беременности, а вид шортов для будущих мам заставлял содрогнуться при мысли о том, как в них будут смотреться мои толстые ляжки. Кстати, до появления заветной розовой полоски на тесте бедра у меня были стройными, но тошноту, которая изводила меня весь первый триместр, удавалось приглушать только горстями вредной еды — и вот результат.

Само собой, в день, когда я купила эти джинсы, стояла весенняя прохлада, и я думала скорее о красоте, чем о погоде. К тому же планировала сбросить вес, набранный за первый триместр, переключившись на здоровый рацион. Мол, так и мне будет больше пользы, и малышу. Я была уверена в своих силах и твердо решила следовать плану. Представляла, как в третьем триместре стану подтянутой и энергичной — несмотря на большой живот — женщиной, которая без труда преодолеет последние недели беременности. Совсем как звезды, которыми пестрят обложки журналов в каждом супермаркете с заголовками вроде «Не набрала и фунта», «Вернулась в форму после родов!» и «Не стесняйся своего животика!».

А теперь вот бреду по тропинке к бабулиному дому, держась за ноющую поясницу, а во рту по-прежнему стоит неприятный привкус утреннего несварения.

Я стучусь в дверь, потом заглядываю в соседнее окошко. На бабулином квинслендере¹ давно пора обновить краску. Плюс один пункт в список дел, которые надо успеть до рождения малыша. Он растет день ото дня, а время стремительно убывает. Бен говорит, что некоторые дела можно завершить и после родов — ничего страшного.

Сейчас все в моей жизни можно отнести к одной из двух категорий: до родов и после родов. Такая моя личная версия *anno domini*², разве что более законченная. Будто на время после родов мне не стоит ничего планировать. На горизонте маячит неизвестная дата, словно окутанная туманом, и желание доделать все-превесе, пока еще не поздно, становится нестерпимым. Убраться в доме, закупить вещишки, которые понадобятся ребенку в первые полгода жизни, найти недостающую мебель, с чем я затянула, привести в порядок волосы, покрасить бабулин дом, выпить кофе или пообедать со всеми друзьями, съездить с Беном развеяться в последний раз, удостовериться, что список дел полный и можно вычеркивать оттуда пункты один за другим.

Кажется, бабули дома нет. Я с трудом преодолеваю с полдюжины ступенек крыльца, спускаюсь на заросший травой двор и ковыляю вдоль стены, мимо гаража, который дедушка сам пристроил в семидесятых. Гараж такого же цвета, как и дом, и ни за что не догадаешься, что его добавили позже. У дедули всегда были золотые руки — он мог смастерить все что угодно, даже без подготовки.

---

¹ Так называются деревянные дома на сваях, которые часто можно увидеть в Австралии.

² «От лета Господня» (*лат.*) — обозначение новой эры; то же, что и от Рождества Христова.

Бросаю еще один взгляд на гараж и хмурюсь, уловив тихую джазовую мелодию, льющуюся из открытого кухонного окна, и запах гари. Прохожу мимо бабулиных знаменитых роз — красные и розовые бутоны источают головокружительный сладкий аромат, и по моему раз-румянившемуся и потному лицу пробегает тень улыбки. Цветочный аромат перебивает запах гари — может, мне он только почудился, в очередной раз напомнив о том, что и так нередко проносилось в мыслях: возможно, бабуле придется покинуть свой дом куда раньше, чем мы рассчитывали.

— Бабуль! — зову я, огибая дом, и иду к ступенькам черного хода. Их тут больше, чем на крыльце. Под этой лестницей расположена прачечная. Бабули нет и там, хотя около таза и стоит маленькое ведро с бельем, влажным и пере-крученным, ожидающим, когда его развесят на веревке, тянущейся через добрую треть заднего двора.

Бабуля на кухне: читает, склонившись над столом. Ее очки-полумесяцы сдвинуты на кончик носа, а седые волосы, густые и курчавые, лежат неровными волнами: наверное, она только что провела по ним рукой и растрепала. На кле-енчатой скатерти в ярко-желтый цветочек, которой устлан кухонный стол, лежит газета.

Я переступаю порог, и дверь захлопывается за мной. Бабуля поднимает на меня взгляд.

— Привет, ба!

— О, Миа, солнышко, что ты тут делаешь? — Бабуля поднимается и, прихрамывая, движется ко мне. Стоит ей немного посидеть, и левое бедро всегда начинает болеть.

— Да вот решила заехать, проведать тебя.

— У меня все хорошо, видишь, газету читаю. А потом хотела в саду покопаться, пока жара не грянула.

— Поезд ушел, — со вздохом отвечаю я. — Сегодня даже повыше сорока градусов будет.

Бабуля вскидывает бровь:

— Меня это не пугает.

— Не хватало тебе еще солнечного удара! — возражаю я.

Бабуля берет меня за руку и сжимает ее. Ее голубые глаза поблескивают. Она не из тех, кто открыто проявляет чувства, но я вижу, что она рада меня видеть. Когда она предлагает мне чаю, в ее голосе отчетливее обычного слышатся интонации лондонского кокни. Я соглашаюсь и сажусь за стол, а бабуля идет к сушилке для посуды за чистыми чашками.

— Ты за меня не волнуйся. Я и пострашнее жару выдывала, да еще и работала. Сейчас все так переживают о погоде. А в мое время на нее и не смотрели. Просто делали, что положено.

Я киваю, пряча улыбку. Вечно бабуля сравнивает «тогда» и «сейчас». Впрочем, ее прошлое скрыто от меня завесой тайны. Я знаю, что она из Англии, и, в общем-то, все, хотя раньше не особо об этом задумывалась. А теперь, перед рождением малыша, во мне просыпается огромное желание разобраться в своих корнях, узнать побольше семейных историй, чтобы рассказывать их своему крохе, когда придет время.

Почему я так редко расспрашиваю о прошлом?

— Ты ведь вроде в Англии выросла, бабуля. Там такой жары не бывает, правда?

Она смотрит на меня поверх чайника.

— Не бывает. Я и впрямь выросла в Англии, в лондонском Ист-Энде. А потом мы переехали сюда. Но это было давным-давно. С тех пор у меня даже акцент пропал.

Я еле сдерживаю смех. Вот уж в чем ее не обвинишь, так это в отсутствии акцента.

Бабуля протягивает мне чашку чая. Он очень горячий, и ложечка сливок, добавленная в него, ситуацию не спасает. Бабуля любит, когда чай ошпаривает рот. Я вечно ей это припоминаю, когда обжигаясь, сделал первый глоток. Бабуля в ответ смеется и говорит, что надо закаляться. Папа часто повторяет эти ее слова — они вместе со множеством других правил зарубцевались на его памяти о детстве. Они с бабулей не ладят. Папа сетует, что она недодавала ему любви, когда он был маленьким, а бабуля отвечает, что не хотела его избаловать и ничего тут страшного нет. Никто из них не собирается уступать. А я между ними как миротворец. Мне хочется, чтобы все в семье ладило. Я люблю свою родню. И мечтаю, чтобы близкие любили друг друга так же сильно, как я их. Но их не заставишь. Я знаю, потому что пыталась.

— Спасибо, бабуль, — говорю я и дую на кружку. Облачко пара застилает бабушкино морщинистое лицо.

Заправляю за ухо прядь рыжих волос и наклоняюсь к чаю, сжав ладонями кружку, хотя мне и без того невыносимо жарко. Любовь к чаю у нас с бабулей общая: мы пьем его даже в самый разгар лета. Для бабули это один из редких поводов сделать перерыв от дневных забот и пообщаться с близкими. Я довольно быстро это поняла. Когда бабуля была помоложе, она никогда не сидела без дела: вечно убиралась, готовила, гладила, работала в саду, что-то покупала. Отвлечь ее на разговор можно было только при помощи

чайника. Чаепитие — наша с ней кнопка паузы в будничной суматохе.

— Напомни, когда ты приехала в Австралию? Что-то я подзабыла, — говорю я, следя за выражением ее лица.

Бабуля вздыхает.

— Дай подумать. Мне было лет девять...

— Девять?! — Для меня это новость. Я думала, она попала сюда уже взрослой. А где же тогда остальная семья? Я знаю только тетю Шарли, она живет в Новой Зеландии. Если точнее, она моя двоюродная бабушка. Бабуле она приходится сестрой. Она очень эффектная и образованная. Своих детей у нее нет, поэтому всякий раз, когда мы встречаемся, она меня балует, с самого детства. Помню шоколадные пасхальные яйца с разноцветными драже внутри и блестящие книжки с картинками про экзотических животных, которые она мне дарила. Мы редко виделись, даже когда она жила в Брисбене, потому что я вечно путешествовала с мамой и папой. Но мне нравилось проводить с ней время. Но куда же делась остальная бабулина родня?

— Хотя, может, я ошибаюсь. Нет-нет да что-нибудь спутаю. — Бабуля отпивает чаю, глядя сквозь тонкую дверь во двор. Сквозь проем струится солнечный свет, падая слепящим прямоугольником на коричнево-белый линолеум.

Я хочу задать следующий вопрос, но бабуля вдруг встает и выходит из комнаты, припадая на больное бедро.

Я хмурюсь.

— Бабуль?

Иду за ней и нахожу ее в гостиной — она складывает полотенца. Когда-то тут была папина спальня, а до этого — крытая веранда. Тут даже жарче, чем на кухне: словно в чугунном котелке, поставленном на угли.

— Все в порядке? — спрашиваю я, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на животе.

Бабуля улыбается.

— Само собой.

— Как дедуля?

— Хорошо. Говорит, что за ним шпионят.

— Кто? — вскидываю бровь.

— Медсестры, — бабуля хихикает. — Успокоила его, говорю, они просто флиртуют. Вроде подействовало.

Мне всегда больно слышать о том, как деменция мучает дедушку. Он уже не тот язвительный, но добрый старичок, которого я помню с детства. Иногда он даже не узнает меня, когда я навещаю его в доме престарелых. Они с бабулей прожили в браке почти шестьдесят лет и только в прошлом году разлучились. Это было непросто, но что еще делать — ума не приложу. Дедуле слишком опасно жить дома, а бабуля не справляется с уходом за ним. Они долго отмахивались, когда я предлагала на несколько месяцев отправить дедулю под присмотр медперсонала, но однажды дед ушел гулять посреди ночи и пропал. Его нашли в десяти километрах от дома, он был сильно обезвожен и дезориентирован. Тогда бабуля наконец сдалась, и на следующей же неделе дедулю переселили в дом престарелых.

— Как там Бен? — спрашивает бабуля и аккуратно кладет синее полотенце поверх белых. — Поди, ждет не дождется встречи с малышом?

Пожимаю плечами:

— Наверное. Сложно сказать. Он сейчас постоянно работает, я его почти и не вижу.

— А ты еще работаешь?

Качаю головой:

— Нет, пару недель назад ушла в декрет. Я же тебе рассказывала...

Бабуля улыбается.

— Точно-точно, прости, милая. Считанные денечки остались, да? Скорее бы уже увидеть нашу кроху!

— Дел невпроворот. Я без конца убираюсь, готовлю, складываю, сортирую, покупаю кучу ненужных вещей...

— Вьешь гнездышко, — подытоживает бабуля с многозначительным кивком.

— Может, и так, не знаю. Переживаю из-за всего. А тут еще папа постоянно ворчит — не хочет, чтобы я работу бросала. Тоже лишние нервы.

— С этого места поподробнее, — бабуля прерывает работу и шурится.

Я вздыхаю.

— Он против долгого декрета. Говорит, это неразумно и непрактично. Мол, достаточно полутора месяцев.

Бабуля качает головой, но воздерживается от комментариев. Только продолжает складывать полотенца.

— Говорит, я столько лет училась на врача, что глупо бросать работу и сидеть дома. Все равно что попусту растратить свои знания.

Бабуля фыркает.

— Ты с ним согласна?

Я со стоном прижимаю ладони к животу, чувствую натянутую кожу, тепло, движение под ней. Малыш растет во мне уже почти девять месяцев, и я люблю его, хоть никогда и не видела. Мне и вообразить сложно, что я приведу ребенка в этот мир и сразу поспешу на работу. Я хочу быть свидетельницей всему, что он будет делать впервые: его первой улыбке, первому смеху, первым шагам, первому слову.

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

БРОНВЕН ПРАТЛИ
ЗА ДАЛЕКОЙ ЧЕРТОЙ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 02.09.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 29,40. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-5GL-35608-01-R